

да проститъ имъ премилосердный Господь всѣ прегрѣшенія ихъ и въ день праведнаго воздаянія своего воздастъ вѣнцы нетлѣнія.

Епископъ *Константинъ*.

ОЧЕРКЪ

христіанскаго просвѣщенія чувашъ въ приходѣ села Ново-Якушкина, Бугурусланскаго уѣзда (къ 40-лѣтію прихода).

Въ 1904 году исполнилось сорокъ лѣтъ существованія храма въ селѣ Ново-Якушкинѣ, Бугурусланскаго уѣзда. Церковь здѣсь выстроена, „съ благословенія Преосвященнѣйшаго Теофила, епископа Самарскаго и по распоряженію Министра, на казенный счетъ, съ небольшимъ участіемъ мѣстнаго населенія жителей“ (лѣтопись л. I). Участіе жителей въ постройкѣ выразилось въ отводѣ мѣста для храма и въ подвозкѣ строевыхъ матеріаловъ, да и то по принудительному наряду со стороны гражданской власти.

Такое начало существованія православнаго прихода заставляетъ предполагать исключительныя условія, среди которыхъ насаждалось здѣсь православно-русское дѣло въ шестидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія. Исторически сложившіяся обстоятельства были таковы.

Селенія Старо и Ново-Якушкина, Сухари-Матакъ, Иштуткина и Шунгутъ, составляющія описываемый приходъ, лежатъ въ 140 верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Самары и въ 25 верстахъ отъ заштатнаго города Сергіевска по тому же направленію. Населеніе этихъ деревень составляли сначала исключительно чуваши и только въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія сюда поселилось до сорока семействъ русскихъ, выходцевъ изъ Щигровскаго и Тимскаго уѣздовъ Курской губерніи. „Переселеніе совершено при помощи отъ казны“ (лѣт., л. 3). Сами чуваши тоже не исконные мѣстные жители, но пришли сюда изъ подъ Казани и осѣли гораздо рань-

ше русскихъ. Уже „во времена Пугачева нашествія на эту сторону жители нынѣшнихъ приходскихъ деревень встрѣчали его съ хлѣбомъ солью, за что были жалованы имъ. Память народная говоритъ про этого Пугача только то, что онъ былъ здѣсь мимоходомъ да миловалъ насельниковъ этого края за ихъ покорность ему“ (лѣт. 4 л., 1867 г.). Недалеко отъ приходской деревни Сухари-Матакъ, въ 4 верстахъ отъ села, есть гора подъ названіемъ „Хурал-ту“, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ—„караульная гора“. По народному преданію, съ вершины этой горы, по высотѣ своей господствующей надъ всею здѣшнею вообще гористою мѣстностію, чуваши вели сторожевыя наблюденія. Въ краѣ тогда свирѣпствовали киргизскія пайки, разбойнической дѣятельности которыхъ способствовало и самое мѣстоположеніе, гдѣ они свободно укрывались до и послѣ набѣговъ среди горъ, овраговъ, проваловъ и болотъ, поросшихъ тогда сплошной массой лѣса. За свою службу чуваша пользовались покровительствомъ русскихъ властей тогдашнихъ военныхъ укрѣпленій Закамской линіи, въ числѣ которыхъ стоялъ и Сергіевскъ. Правда, чуваша въ то время не мало терпѣли отъ киргизовъ, которые собирали съ нихъ дань натурой: мукой, медомъ, саломъ и т. п. Преданіе это въ общихъ чертахъ согласно съ исторіей колонизаціи Самарской губерніи (статьи Спасскаго и Протопопова въ календарѣ Самар. губ. 1902 г.) и, слѣдовательно, заслуживаетъ полного довѣрія.

Исторія русской церкви отмѣчаетъ фактъ, что въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія, въ 1741—1756 г.г.,—въ Казанскомъ краѣ вниманіе Правительства и духовнаго начальства направлено было на обращеніе инородцевъ—мухамеданъ и язычниковъ—въ христіанство. Несмотря на частыя напоминанія начальства никого не принуждать къ принятію св. вѣры „противу воли“, фактически обращеніе инородцевъ въ православіе велось часто мѣрами чисто внѣшними, путемъ предоставленія крестьящимся разныхъ льготъ. Многіе инородцы—язычники, избѣгая крещенія, скрывались въ глухихъ

лѣсныхъ урочищахъ. Допустимо, что привлекаемые естественными богатствами страны, вольностью и отчасти сохраняя дорогія сердцу свои языческія вѣрованія, чуваші уходили въ степи, въ Закамскій рубежъ, гдѣ, селясь среди ущелій, лѣсовъ, болотъ и овраговъ, были покойны за основы своего религіознаго міросозерцанія и внѣшняго быта. Чуваші прихода села Ново-Якушкина избрали въ этомъ отношеніи самую подходящую мѣстность: укрывшаяся среди ущелій, вдали отъ большихъ рѣкъ, тихая, непроѣзжая и теперь — полтора столѣтія тому назалъ, она была совершенно дикой.

Преданіе сохранило имена Иштула Ахметева и Яниша Якушина, родоначальниковъ мѣстныхъ чувашъ. Иштуль и Янишъ быки „вирьялы“, то есть чуваші, жившіе въ мѣстностяхъ верхняго теченія Волги, откуда въ сопровожденіи нѣсколькихъ семействъ и пришли сюда въ низовье на вольныя мѣста — „аната, ирк, сьре“ отъ чинимыхъ имъ непріятностей „вирьялами“. Оба были язычники, имѣли по нѣскольку женъ. Земля, на которой поселились Иштуль и Янишъ, оказалась башкирской. Пришлось платить дань башкирамъ. Сначала жилось покойно и привольно. Когда чуваші разжились и размножились, башкиры стали обижать и гнать чувашъ съ земли. Дѣло кончилось тѣмъ, что чуваші, чтобы закрѣпить землю за собой, рѣшили креститься. Крестились всѣ за одинъ разъ, въ пруду. Только старикъ Янишъ съ нѣкоторыми изъ родственниковъ не принялъ крещенія, а ушелъ и поселился въ камышахъ у рѣчки Шунгута, положивъ начало селенію, извѣстному теперь подъ именемъ Старо-Якушкино. Чуваші, принявъ „русскую вѣру“ — христіанство, встали подъ покровительство русскихъ. Теперь башкиры, хотя и грабили чувашъ, но не смѣли гнать съ занятыхъ мѣстъ *).

*) Въ Иштулкинѣ сохранился указъ времени Императрицы Елизаветы Петровны изъ Оренбургской Губернской Канцеляріи на право пользованія землею. Изъ указа видно, что въ 1754 году некрещенные чуваші Иштуль и Янишъ подавали челобитіе о закрѣпленіи за ними земли, занятой еще въ 1744 году въ количествѣ семидесяти пяти душъ, вышедшими

Въ пользу такого преданія о крещеніи чувашъ въ настоящее время говорятъ слѣдующія соображенія. Иштулкино, начиная съ первыхъ годовъ существованія прихода, занимаетъ среди деревень прихода первое мѣсто по количеству населенія; въ Иштулкинѣ нѣтъ и не значилось за 40 лѣтъ по церковнымъ документамъ ни одного язычника. Въ д. Матакѣ, выдѣлившейся отъ Иштулкина и первое время извѣстной подъ именемъ „Новаго-Иштулкина“, тоже нѣтъ и не было ни одного язычника. Рѣчка, прорѣзывающая Иштулкино, носитъ названіе „Пушкѣрт“, т. е. Башкирка;—ясное свидѣтельство о бывшихъ землевладѣтеляхъ. Старо Якушкино, основанное по преданію уклонившимся отъ крещенія язычникомъ Янишъ Якушинымъ, и выдѣлившееся отъ него Ново-Якушкино, до сего времени имѣютъ до ста душъ язычниковъ чувашъ. У Старо и Ново-Якушкинцевъ до сихъ поръ имѣются особыя языческія кладбища. Въ Иштулкинѣ мѣстонахожденіе бывшихъ языческихъ кладбищъ старики опредѣляютъ несогласно: одни указываютъ одно, иные другое мѣсто, такъ какъ кладбища давно уже распаханы подъ нивы. Въ Матакѣ языческихъ кладбищъ совсѣмъ нѣтъ. Площадь языческихъ кладбищъ Старо и Ново-Якушкина обширнѣе и количество могилъ численнѣе первоначальныхъ христіанскихъ кладбищъ тѣхъ же селеній. Все это подтверждаетъ преданіе о томъ, что Иштулкинцы крестились разомъ, а жители Старо и Ново-Якушкина, оставшись язычниками, принимали христіанство постепенно.

Впрочемъ, обращеніе въ христіанство тѣхъ и другихъ было чисто внѣшнее: оно отнюдь не затрагивало душевныхъ основъ языческаго міровоззрѣнія и быта. Христіанство цѣнилось чувашами съ точки зрѣнія матеріальныхъ выгодъ, съ нимъ сопряженныхъ. Хотѣлось ли чувашенину избавиться отъ кары за проступокъ, наказуемый закономъ, нужно ли было изъ Цивильскаго, Чебоксарскаго и Свіяжскаго уѣздовъ Казан. губ. Въ 1756 г. Сергіевскій воевода Гротъ приписалъ чувашъ въ вѣдѣніе пригорода Сергіевска.

освободиться отъ рекрутства, — чувашенинъ заявлялъ желаніе креститься со всей семьей, и освобождался отъ наказанія и солдатчины. Кромѣ того, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ крестившійся не платилъ подати. Въ Ново-Якушкинѣ до сихъ поръ еще живы лица, принявшія христіанство, какъ выгодную бытовую сдѣлку.

Дать точнаго опредѣленія времени перваго крещенія мѣстныхъ чувашъ, безъ неимѣніемъ документальныхъ свидѣтельствъ, нельзя. Однако, слѣдующія соображенія позволяютъ приблизительно указать это время. Въ 1902 году умеръ крестьянинъ д. Иштулкина Никита Сергѣевъ 97 лѣтъ отъ роду, до смерти сохранившій твердый разумъ. По его словамъ, крещенъ онъ былъ въ пригородѣ Сергіевскѣ, въ приходѣ котораго дѣйствительно состояли всѣ, кромѣ Шунгута, деревни, составляющія описываемый приходъ, до сооруженія храма въ Ново-Якушкинѣ. Крестить дѣтей тогда чуваше не торопились, чтобы не платить даромъ денегъ. Окрѣпнетъ, вырастетъ ребенокъ и подаетъ полную надежду на жизнь, — везутъ его лѣтъ семи — восьми крестить, да и то поѣздки приурочивали къ базару и ярмаркѣ. Такъ былъ крещенъ Никита Сергѣевъ. Съ тѣхъ поръ, какъ началъ помнить этотъ почти столѣтній старецъ, въ д. Иштулкинѣ не было ни одного некрещенаго. Родители его были крещены въ молодости при дѣдахъ, а до нихъ, т. е. до дѣдовъ Никиты, всѣ были „чуваше“, — такъ зовутъ сами чуваше язычниковъ. Извѣстно, что Сергіевскъ около 1780 года былъ недолгое время уѣзднымъ городомъ. Тогда уже несомнѣнно существовала въ Сергіевскѣ церковь, сгорѣвшая въ 1806 году, и являлась ближайшей къ Иштулкину. Затѣмъ, въ недалекомъ (15—20 вер.) разстояніи отъ Иштулкина строятся церкви и открываются приходы: въ Аделяковѣ съ 1772 г., въ Иштулкинѣ съ 1781 года, въ Боровкѣ съ 1785 года (см. приложение къ сборнику распоряженій по Самарской епархіи). Такъ какъ чуваше не приписаны ни къ одной церкви изъ поименованныхъ селъ, то можно предположить, что первое крещеніе чувашъ при-

хода Ново-Якушкина имѣло быть не раньше шестидесятихъ годовъ XVIII столѣтія, когда церковь Сергіевска была единственной въ этихъ тогда плохо заселенныхъ мѣстахъ.

Сдѣлавшись христіанами и прихожанами Сергіевска, чувашіе не стѣснялись дальностью разстоянія отъ храма. Рождался ребенокъ, ѣхали при случаѣ крестить, да и то при условіи жизнеспособности ребенка. Умиралъ человекъ, его хоронили, справляли языческое „йупа“, т. е. поминки, и ѣхали опять таки при оказіи или посылали черезъ людей въ Сергіевскъ „йат хуратма“, т. е. имя замарать, вычеркнуть изъ книгъ. При этомъ полагалось приличное воздаяніе причту. Самъ причтъ являлся раза два въ годъ въ деревню служить мірскіе молебны, отпѣтъ на кладбищахъ умершихъ и заодно пособирать хлѣба и другихъ земныхъ благъ. Духовная, религіозная жизнь чувашъ находилась въ рукахъ емзей, этихъ хранителей языческой старины, имѣющихъ непосредственное сношеніе съ добрыми и злыми духами, и истолкователей ихъ воли.

Подобное положеніе вещей приходилось по сердцу чувашамъ и могло продолжаться еще столѣтія, если бы въ 1859 году вопросъ о постройкѣ въ Ново-Якушкинѣ церкви не рѣшенъ былъ епархіальной и гражданской властью. Вотъ что гласить лѣтопись церкви: „храмъ Божій въ приходѣ села Ново-Якушкина деревянный, на каменномъ фундаментѣ, построенъ во имя Св. Архистратига Божія Михаила съ благословенія Преосвященнѣйшаго Оеофила, Епископа Самарскаго и Ставропольскаго. Такъ какъ насельники этого прихода чувашіе, съ малою только частію русскихъ, люди весьма мало развитые во всѣхъ отношеніяхъ, слѣдовательно и въ религіозномъ; то, вѣроятно, въ видахъ возможнаго поднятія уровня ихъ умственно-религіознаго развитія, церковь выстроена здѣсь, по распоряженію Министра, на казенный счетъ, съ небольшимъ участіемъ мѣстнаго населенія жителей. Постройка храма начата съ 1860 года, а окончень постройкою сей храмъ и освященъ въ 1864 году“. Въ селеніяхъ, входив-

шихъ въ открываемый приходъ, жителей тогда числилось: русскихъ 350, чувашъ крещеныхъ 2330, — язычниковъ 186 человекъ обоого пола. Всѣ они писались казенными крестьянами. Храмъ для нихъ сооруженъ по плану № 3, избранному изъ образцовъ чертежей М.—Г. И.; планъ подписанъ гражданскимъ инженеромъ Лукашевичемъ и, какъ значится въ Епископской благословенной грамотѣ на сооруженіе храма отъ 14 августа 1859 г., утвержденъ Министромъ Государственныхъ Имуществъ. Никакихъ документовъ по постройкѣ храма болѣе не сохранилось. Современники его сооруженія свидѣтельствуютъ, что храмъ выстроенъ подъ присмотромъ окружнаго начальника на казенный счетъ. Лѣсъ на постройку возили изъ дачи приходской деревни Шунгута. Здѣсь была тогда небольшая изъ сосны и березы священная роща, служившая жилищемъ злѣйшей Киремети. Начало рубки этой рощи положили послѣ молебна окружной начальникъ и священникъ. Чуваши ни за что не начинали первые работы, опасаясь мести страшной Киремети. Возку лѣса производили неохотно, по наряду сельскихъ властей, которымъ предварительно далъ изрядное внушеніе тотъ же окружной начальникъ. Мѣсто подъ храмъ чуваше отвели неудобное, да и то послѣ долгихъ препирательствъ. Крутая высокая, каменистая и пустынная гора, представляющая осенью и зимой много неудобствъ богомольцамъ, какъ то неуклюже пріютя храмъ, вдругъ вырывается изъ подъ него вверхъ, будто собираясь тряхнуть съ себя своего обитателя. Съ другой стороны, этотъ храмъ на горѣ служить ненамѣреннымъ напоминаніемъ истины: „ниже вжигаютъ свѣтильника, и поставляютъ его подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, и свѣтитъ всѣмъ, иже въ храминѣ суть (Мѡ. V, 15). Храмина сія, — новый приходъ, — была велика, а „иже въ храминѣ суть“ — чуваше — сидѣли во тьмѣ и сѣни смертной. Свѣтильникъ былъ необходимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

которыя отвергаются въ настоящее время врагами христіанства и православія. Во всякомъ случаѣ „оживленіе“ церковно-проповѣдническаго дѣла будетъ сильнымъ противодѣйствіемъ врагу рода человѣческаго, который въ настоящіе дни лукавые вездѣ и съ особеннымъ усердіемъ всѣваетъ плевелы свои... Думается, что къ такому именно противодѣйствію приглашаетъ насъ и послѣднее воззваніе Святѣйшаго Синода.

(Священникъ С. Богородицкій)

О Ч Е Р К Ъ

христіанскаго просвѣщенія чувашъ въ приходѣ села Ново-Якушкина, Бугурусланскаго уѣзда.
(Къ 40-лѣтію прихода).

(Продолженіе).

II.

Лѣтописатель, священникъ Ключаревъ въ 1867 году, чрезъ три года по освященіи храма, такъ характеризуетъ религіозное состояніе прихожанъ Ново-Якушкина: „Насельники этого прихода въ большинствѣ чуваша, которые, хотя и давно крещены большинство, но доселѣ не просвѣщены свѣтомъ Евангельскаго ученія. Посему степень усердія ихъ къ церковному Богослуженію, говѣнію, исповѣди, причастію Св. Таинъ, поминовенію усопшихъ по христіанскому обряду, отправленію молебновъ на разныя случаи и наконецъ къ слушанію церковныхъ поученій—на низшей ступени. Больные чуваша просятъ сподобить ихъ Святыхъ Таинъ только потому, чтобы въ смертномъ случаѣ не ввести семейныхъ въ неурядицу столѣновеніемъ съ полицейскимъ начальствомъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ, т. е. смерти безъ напутствованія, священники положительно, конечно, не зная причины смерти больного, въ отраженіе себя ставятъ себя въ обязанность доводить такіе случаи до свѣдѣнія полиціи. До такого вывода священникъ дошелъ на томъ основаніи, что, если бы у чувашъ не-

повѣдоваться и приобщаться Св. Христовыхъ Таинъ было религиозною потребностью, то они прибѣгали бы къ этому утѣшенію вѣры не на одрѣ только болѣзни, а и въ здоровомъ состояніи, въ положенное на то исключительное время. А то этого то и нѣтъ. Много — много если въ продолженіе св. Четырдесятницы поговѣютъ и причастятся Св. Таинъ человекъ 50 или 70 изъ 2000 душъ обоого пола. Поминовеніе усопшихъ по христіанскому обряду и отправленіе молебновъ на разные случаи рѣдкость между прихожанами и чувашами. И это отъ того, что христіанское ученіе, на которомъ основано истинное и многоразличное благочестіе, весьма мало проникло въ сознаніе народное, а преданіе старины, т. е. язычества, сильно еще въ нихъ. Поэтому нужно ли помянуть усопшаго, или принести моленіе просительное или благодарственное, они не обращаются въ церковь, а исправляютъ сами по укоренившемуся преданію старины. Усердіе ихъ ко храму христіанскому и отправляемому Богослуженію характеризуется особенно слѣдующимъ печальнымъ для истиннаго христіанина фактомъ, — еще въ весьма недавнее прошедшее въ церковь къ Богослуженію ихъ гоняли, въ собственномъ смыслѣ какъ овецъ, поочередно, чрезъ старость мірскихъ. При такихъ полицейскихъ мѣрахъ богомольны бывали, но каковы, вотъ вопросъ. Со времени же прекращенія таковыхъ мѣръ и богомольцевъ почти нѣтъ никого. Но нельзя же сказать, чтобы въ нихъ, т. е. въ чувашахъ, не было и частицы религиозности. Въ нѣкоторые праздники, напримѣръ Пасху, Троицынъ день, Николинъ день, Рождество Христово, Крещеніе, — стеченіе молящихся въ храмъ весьма значительное, несмотря на то, что принудительныхъ мѣръ къ тому нѣтъ; видно и простому, ненаблюдательному человеку, что молитва, исходящая изъ простаго сердца и по своему, чиста, искренняя. Доказательство существованія въ нихъ религиозности состоитъ еще вотъ въ чемъ: при общественномъ моленіи въ храмъ или въ другомъ какомъ мѣстѣ, они для цѣлованія креста Господня, или какой-либо иконы подносятъ и грудныхъ младенцевъ, и видно

при этомъ ихъ желаніе, чтобы малютка непременно коснулся священнаго предмета, даже для этого нарочно будятъ спящаго младенца. Такимъ образомъ выходитъ, что религіозность въ нихъ есть, но выраженіе религіозности отъ незнанія христіанскаго ученія и свѣжаго преданія старины язычества — своеобразное, смѣшанное. И это, вѣроятно, будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока народъ этотъ не войдетъ по своимъ жизненнымъ условіямъ въ ближайшее отношеніе съ христіанами русскими, чего въ настоящее время нѣтъ или весьма мало. Народъ этотъ замкнутъ въ себя, въ особенности женская половина, и вывести его изъ такого состоянія не легко, но и не возможно; время въ этомъ случаѣ — могучій дѣятель. Пороковъ грубыхъ, пьянства, воровства, безпутной жизни у нихъ, т. е. чувашъ, сравнительно гораздо меньше. Воскресный день и другіе христіанскіе праздники весьма мало почитаются ими, развѣ когда совершенно нѣтъ дѣла; свой же праздникъ пятницу, заимствованный ими, вѣроятно, у татаръ, почитаютъ неопустительно; даже въ рабочіе мѣсяцы, лѣтомъ, они (чуваше) не занимаются дѣломъ“. Ясно, что чуваше имѣли свои понятія и вѣрованія, составлявшія сущность ихъ мышленія, основу нравственности и внѣшняго быта. Послѣднія были таковы. Чувашенинъ вѣрилъ въ верховнаго духа — Бога — „Тора“, начало добра и свѣта; противопоставлялъ ему — шайтана, начало зла и тьмы. Эти верховныя начала стоятъ отъ людей слишкомъ высоко, а потому для сохраненія отношеній съ послѣдними имѣютъ служебныхъ духовъ, которымъ поручены разныя отрасли человѣческаго благосостоянія. „Служебные духи боговъ суть олицетворенія разныхъ свойствъ ихъ и обоготвореніе стихій и явленій природы, — число ихъ неопредѣленно велико“. Живутъ эти духи въ лѣсахъ, поляхъ, воздушномъ пространствѣ, въ оврагахъ, у источниковъ рѣчекъ, на перекресткахъ дорогъ и даже въ домахъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ чувашенинъ въ подобающихъ случаяхъ приносить умиловительныя жертвы: кашу, блины, йусманы, пиво, куръ, утокъ, гусей, барана и даже лошадей. — „Все это совершается

по приказанію юмзей, которые назначеніемъ подобныхъ жертвъ сильно подрываютъ благосостояніе чувашъ. При этомъ эти переродки шамановъ за каждую ворожбу берутъ съ чувашъ деньгами, крупой, смотря по достатку“. Изъ массы служебныхъ духовъ, почитаемыхъ мѣстными чувашами, въ церковной лѣтописи записаны слѣдующіе:

1. Хьрт-сурт, — покровитель и каратель домашняго скота за грѣховныя проступки хозяина.

2. Ирихъ, — подобіе куклы изъ дерева съ металлическими глазами. Этотъ духъ, вселяющійся въ куклу, наказываетъ людей ранами и глазами болѣзнями.

3. Хааръ — дѣйствія его: боли головы и живота.

4. Іе — дѣйствія его: горячки и лихорадки.

5. Албасъ — духъ умершаго человѣка въ видѣ огненнаго змія.

6. Киреметь — духъ, живущій въ дубравахъ и старыхъ душистыхъ деревьяхъ, караетъ разными болѣзнями.

7. Тюр-киль — злѣйшій духъ, карающій людей чахоткой, злостными горячками, и др. болѣзнями, причиняющими неминуемую смерть.

8. Сър-ашнь, сър-амънь — отецъ земли, мать земли. Чуваша, почитая перечисленныхъ духовъ, смотря по надобности, частными жертвами, отправляли общественныя моленія и праздники.

1. Синсе — праздновали послѣ сѣва яровыхъ хлѣбовъ, въ началѣ іюня, въ честь „матери земли“. Считаая въ это время землю „хырамла“ — „брюхатой“, чуваша оставляли все работы недѣли на двѣ, проводили время въ праздности. Запрещалось въ это время рыть землю, косить траву и рубить лѣсъ. Праздникъ проводили въ полномъ нравственномъ воздержаніи: пьянства, брань, драки возбранялись. Молодежь проводила время въ играхъ.

2. Уй-Чук — моленіе Богу, живущему на небѣ, источнику всякихъ благъ: дождя, урожая, плодovitости скота и т. п. Совершалось около праздника „Синсе“ обществомъ въ живо-

писной долинь, на берегу рѣчки, при чемъ варилась каша, пиво, заколалось нѣсколько гусей, овецъ и быковъ. Мясо поѣдали, а кости и кровь зарывали въ землю.

Затѣмъ праздновались „мун-кун“ (великій день) „суварни“ — недѣля масла, „суръх-ури“ — овечья нога, по времени пригнанные къ Пасхѣ, святкамъ и масляницѣ. Совершались поминки умершихъ „юпа“. Для „юпа“ положенъ былъ даже особый мѣсяцъ „юпа уйъх“, соотвѣтствуетъ октябрю мѣсяцу. Эти праздники и „юпа“ проводились въ весельѣ и разгулѣ.

Далѣе лѣтопись аккуратно отмѣчаетъ состояніе погоды по временамъ года, степень урожая хлѣбовъ и травъ, эпидемическія болѣзни на людяхъ и скотѣ, заполняетъ листы статистическими данными о движеніи населенія и церковныхъ суммъ, изрѣдка жалуясь на холодность чувашъ къ храму Божію, на ихъ невѣжество и упрямство. Въ 1881 и 1882 г.г. встрѣчаются слѣдующія строки: „упрямство — основная черта въ ихъ характерѣ; благодаря этому съ инородцемъ можетъ въ одно и то же время быть такъ или иначе: можетъ просто пустить дитя въ школу или нѣтъ, принять крещеніе или нѣтъ. — Мало-численность обучающихся дѣтей инородцевъ, — въ школѣ всего только три ученика, — ясно указываетъ на нерадѣніе ихъ къ себѣ. — Находясь въ безвѣріи, чуваша не имѣютъ должнаго усердія къ дому Божію, хотя и многіе убѣждены, что безъ воли Божіей ничего невозможно“. Затѣмъ, въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1883 г. по 1893 г. лѣтопись ни единымъ словомъ не обмолвилась о религіозно-нравственномъ состояніи прихожанъ. Ясное и грустное свидѣтельство, что духовенство за это десятилѣтіе совсѣмъ помирилось съ коснѣніемъ чувашъ въ язычествѣ, приписавъ это природному упрямству и безвѣрію ихъ. И такъ тридцать лѣтъ (1864—1894 г.) существованія въ Ново-Якушкинѣ храма, — этого свѣтильника христіанства, — прошли почти безслѣдно для чувашъ. Время не оправдало возлагавшихся на него надежды. Если сопоставить послѣдніе отзывы объ упрямствѣ и безвѣріи чувашъ съ симпатичною картиною 1867 г., когда матери чувашки будили

спящихъ грудныхъ младенцевъ, чтобы малютка „коснулся священнаго предмета“, а молитва чувашскаго простаго сердца была „чиста, искренна“, — то невольно напрашивается печальное и нежелательное заключеніе, — чуваша шагнули назадъ отъ православія и сильнѣе замкнулись въ себѣ.

Является вопросъ, какія мѣры примѣнялись къ просвѣщенію чувашъ въ приходѣ села Ново-Якушкина? Лѣтопись даетъ слѣдующій отвѣтъ. По мысли Преосвященнѣйшаго Герасима учрежденъ здѣсь миссіонерскій станъ для обращенія язычниковъ въ нѣдро православной церкви и миссіонеромъ назначенъ мѣстный священникъ Ключаревъ, по указу Самарской Духовной Консисторіи отъ 21 августа 1867 г. за № 429 съ платою 150 руб. за прохожденіе должности. О. Ключаревъ ревностно принялся за дѣло. Въ 1867 г. открылъ въ своемъ домѣ школу и самъ занимался съ дѣтьми. Учащихся набралось до 20 человекъ, изъ нихъ 3 дѣвочки. Среди учениковъ были чувашскія дѣти. Для обученія ихъ о. К-въ пользуется краткимъ катихизисомъ на русско-чувашскомъ языкѣ. Дѣло направилось было. Къ сожалѣнію, почтенный пастырь въ 1871 г. сдѣлался жертвой свирѣпствовавшей здѣсь холеры. Съ смертію Ключарева прекратила существованіе и школа. О. Ключаревъ за 4 года своей службы обратилъ десять язычниковъ обоого пола въ православіе. По поводу перваго своего миссіонерскаго успѣха крещенія семи язычниковъ, — о Ключаревъ пишетъ: „количество невелико, но и за это благодарность Всевышнему, лишь бы обращеніе было искреннее, а не изъ выгодъ какихъ либо! „Значить, миссіонеръ правильно понялъ дѣло, искалъ собственно душу инородца, а не количество крещеній. Вообще о. Ключаревъ былъ очень энергичный и симпатичный человекъ. Вѣчная память доброму труженику! Должность миссіонера среди чувашъ остается за мѣстными священниками до 1877 г., но школа теперь не существуетъ. Правда, въ 1875 г. въ Ново-Якушкинѣ открывается земское начальное училище, но оно своею традиціонною постановкой учебно-воспитательнаго дѣла

не располагало чувашъ къ ученію: въ немъ обучалось два, три чувашленка. Вышеприведенный изъ лѣтописи взглядъ, по которому чувашенинъ „можетъ просто принять крещеніе или нѣтъ“ указываетъ теперь на поверхностное пониманіе миссіонерства, какъ внѣшняго обращенія въ православіе чрезъ крещеніе инородца, а не въ смыслъ постепеннаго и искренняго сообщенія и внушенія имъ христіанской нравственности и христіанскаго міровоззрѣнія. Перемѣну религіи, этотъ великій психологическій актъ, совершающійся въ сокровеннѣйшихъ тайникахъ души человѣка, приноровили къ простому капризу. Такъ ли это? Не подобный-ли взглядъ на чувашъ свысока и попреаніе ихъ понятій привели къ уничтоженію святое дѣло? Благодареніе Богу, что вблизи не оказалось мухамеданъ! Будь они, и чуваша погрязли бы въ магометанствѣ, какъ это дѣйствительно и случилось съ многими чувашами Самарской епархіи, жившими въ сосѣдствѣ съ мусульманами.

Audiat et altera pars.

Почему-то принято всегда винить духовенство. Это своего рода мода. Особенно съ тѣхъ поръ, какъ появились церковныя школы. Этой модѣ слѣдуетъ и обозрѣватель областной жизни въ газетѣ „Самарскій Курьеръ“. Въ 172 № 1904 г. названной газеты онъ коснулся русскаго духовенства, изложилъ его *curriculum vitae*, и по двумъ — тремъ фактамъ, правда имѣвшимъ очень мало отношенія къ общему вопросу, поголовно все духовенство обвинилъ въ некультурности. А все отъ того, что постарался „заглянуть въ корень вещей“, и даже, пожалуй, заглянулъ слишкомъ далеко — за самые корни вещей... Онъ начинаетъ описаніемъ одного простенькаго обыкновеннаго факта. Въ с. Котлуваловкѣ (sic!), Бузулукскаго уѣзда, около десяти лѣтъ существовала церковно-приходская школа. За послѣднее время, съ перемѣной священника, — она захирѣла. Учителя — по обыкновенію изъ псаломщиковъ — уходили одинъ за другимъ, преподаваніе велось кое-какъ, съ перерывами.

О Ч Е Р К Ъ

христіанскаго просвѣщенія чувашъ въ приходѣ
села Ново-Якушкина, Бугурусланскаго уѣзда.

(Къ 40-лѣтію прихода).

(Окончаніе).

III.

Въ 1892 году въ Самару Провидѣніе привело на кафедру епископа-миссіонера владыку Гурія. Онъ обратилъ серьезное вниманіе на религіозное и нравственное состояніе всѣхъ инородцевъ епархіи: чувашъ, крещеныхъ татаръ, мордвы и вотяковъ. Чуваша по своей численности и отчужденности отъ христіанства занимаютъ первое мѣсто среди этихъ инородцевъ, а потому они составляли предметъ особыхъ трудовъ и постоянныхъ попеченій Святителя. Преосвященнѣйшій Гурій первый примѣнилъ къ инородцамъ Самарскимъ просвѣдительную систему Н. И. Ильминскаго и пустилъ въ дѣйствіе его снаряды, — инородческія книги, инородческое богослуженіе, инородческій причтъ церковный со священникомъ во главѣ.

Въ ноябрѣ 1893 года приходъ с. Ново-Якушкина, какъ и слѣдовало ожидать теперь, получилъ опытнаго миссіонера, священника изъ чувашъ, о. Гавріила Перепелкина, который вотъ что заноситъ на страницы лѣтописи. „На религіозно-нравственное просвѣщеніе чувашъ до сего времени не было обращаемо вниманія; и они неизмѣнно коснулись въ своихъ заблужденіяхъ, предразсудкахъ и остаткахъ языческихъ вѣрованій шаманской старины, ничѣмъ не вызываемые къ церковно-религіозной жизни по христіанской вѣрѣ. Постовъ не соблюдали, не говѣли; храмъ посѣщали весьма рѣдко, лишь по необходимости, по случаю совершенія требъ: находились въ полномъ смыслѣ въ извѣстномъ, такъ называемомъ двоѣвѣріи. Школа существовала одна въ селѣ земско-общественная, въ которой обучались одни русскіе, чувашскихъ дѣтей обучалось весьма мало, не болѣе 2—3 мальчиковъ. Чувашъ язычниковъ въ приходѣ значительное количество, а именно

160 душъ обоого пола.— У крещеныхъ чувашъ незаконное сожителство практиковалось невозбранно, т. е. жили невѣнчанными, играя свадьбы по своему языческому обряду. Таковыхъ невѣнчанныхъ паръ къ 1894 г. оказалось 26, кои въ наступившемъ мясоѣдѣ всѣ были повѣнчаны“.

Въ 1894 году священникъ Перепелкинъ приступилъ къ миссіонерскому дѣланію среди чувашъ крещеныхъ и язычниковъ. По деревнямъ производились имъ собесѣдованія о вѣрѣ и правоученіи христіанскомъ на чувашскомъ языкѣ, собесѣдованія сопровождались чтеніемъ чувашскихъ переводовъ. Благовѣстіе слова Божія предлагалось въ формѣ огласительнаго ученія о домостроительствѣ Божіемъ спасенія рода человѣческаго. Чуваша, доселѣ не слышавшіе слова Божія на своемъ родномъ языкѣ, весьма радостно отнеслись къ предлагавшемуся благовѣстію. На собесѣдованія собирались въ большомъ количествѣ мужчины и женщины, старые и молодые. Осенью того же года о. Перепелкинъ открылъ въ селѣ Ново-Якушкинѣ и въ приходскихъ деревняхъ школы грамоты для чувашскихъ дѣтей. Учителями этихъ школъ были приглашены ученики о. Перепелкина по прежнему приходу. Школы помѣщались на квартирахъ отъ общества, а родители обучавшихся дѣтей платили кто сколько могъ за труды учителямъ. Школы начали дѣйствовать дружно и вскорѣ сдѣлались маленькими центрами православно-христіанскаго просвѣщенія въ каждой деревнѣ: днемъ учились дѣти, а вечеромъ набивались взрослые въ школу послушать чтеніе религіозно-нравственныхъ книгъ и пѣнія молитвъ на чувашскомъ языкѣ. Къ празднику Рождества Христова въ каждой школѣ составились маленькіе хоры и съ этого времени церковное Богослуженіе стало отправляться въ смѣшанномъ видѣ: на церковно-славянскомъ и чувашскомъ языкахъ. Здѣсь лѣтопись отмѣчаетъ фактъ, что употребленіе чувашскаго языка въ Богослуженіи и поученіяхъ вызвало недовольство въ русскихъ прихожанахъ, сильно возмутило и возстановило ихъ противъ священника. Примирились русскіе съ чувашскимъ языкомъ за

Богослуженіемъ только послѣ указа Св. Синода о допущеніи инородческихъ языковъ къ церковному употребленію.

Въ 1895 году Преосвященнѣйшій Гурій посѣтилъ храмъ с. Ново-Якушкина, объѣхалъ всѣ приходскія деревни и въ каждой изъ нихъ служилъ водосвятныя молебны, при чемъ ученики школъ пѣли по-чуваши. Послѣ молебновъ Владыка бесѣдовалъ съ чувашами чрезъ переводчика о. Перенелкина. Въ своихъ поученіяхъ Святитель раскрывалъ основные догматы христіанства, его спасительность противопоставлялъ нагубности язычества, наставлялъ, убѣждалъ и умолялъ оставить языческія суевѣрія, поучалъ ходить въ храмы, дѣтей учить въ школахъ, слушать священниковъ, а не емзей, и жить похристіански; раздавалъ всѣмъ крестики, а малютокъ и дѣтей обдѣлялъ сладостями. Чуваша радостно встрѣчали Святителя и шли за нимъ изъ деревни въ деревню. Въ 1898 году Владыка снова посѣтилъ всѣ селенія прихода съ благовѣстіемъ слова Божія, а въ 1902 г. осматривалъ только храмъ и, указывая на его ветхость, просилъ прихожанъ привести его въ благолѣпный видъ.

Архіерейскія посѣщенія деревень, службы и бесѣды произвели неизгладимое впечатлѣніе на чувашъ, а доброта и ласковость Святителя сразу расположили къ довѣрію простые сердца. Чуваша принимали Святителя, какъ истиннаго посланника Божія, съ благоговѣніемъ ловили и слагали въ сердцахъ своихъ слова Божія. „Невиданное и неслыханное доселѣ видѣли своими глазами и слышали своими ушами“, говорятъ старики чуваша со слезами умиленія на глазахъ, при воспоминаніи этихъ посѣщеній. „Благодареніе Богу, что сподобилъ слышать!“

Школы, между тѣмъ, получили поддержку отъ Епархіальнаго Миссіонерскаго Комитета, окрѣпли и продолжали тихо, незамѣтно двигать православно-христіанское дѣло. По прежнему здѣсь учили по-чуваши З. Б., читали переводы священныхъ книгъ, а больше всего пѣли переложенныя на чувашскій языкъ церковныя пѣсноуѣнія. Поэтому неудивительно, что въ лѣто-

писи появляются слѣдующія строки. „Подъ вліяніемъ миссіонерскаго дѣланія со стороны священника и просвѣтительнаго воздѣйствія школы, религіозно-нравственное состояніе чувашъ стало замѣтно возвышаться: шаманскія вѣрованія, моленія и другіе обычаи чувашской старины стали быстро вытѣсняться православно-христіанскими; извѣстное у чувашъ общественное моленіе подъ названіемъ „учук“ оставлено всѣми деревнями въ прошломъ году (1895). Храмъ сталъ посѣщаться чувашами въ большемъ и большемъ числѣ. Необходимость исполненія христіанскаго долга — исповѣди и Св. причастія — стала входить въ сознаніе массы чувашъ. Чувашскій языкъ, допущенный въ церковное употребленіе, привлекалъ въ храмъ и самихъ чувашъ.

Но полнаго примѣненія чувашскаго языка въ церковномъ Богослуженіи мѣстныя условія не допускали, такъ какъ въ приходѣ слишкомъ 900 человекъ русскихъ обоего пола. Богослуженіе въ смѣшанномъ видѣ, — на церковно-славянскомъ и чувашскомъ языкахъ, привлекая чувашъ, не давало цѣлаго связнаго представленія его: впечатлѣніе получалось неполное, отрывочное. Для устраненія этого неудобства Преосвященнѣйшимъ Епископомъ Гуріемъ было предложено выстроить въ д. Иштулкинѣ церковь — школу, а Миссіонерскій Комитетъ въ 1899 году отпустилъ на это 500 рублей. Къ сожалѣнію, чуваша д. Иштулкина, а потомъ и Старо-Якушкина (оба селенія близки между собою) не приняли денегъ и отклонили у себя постройку церкви — школы. Языческая старина оказалась еще сильной. Въ 1902 г. вопросъ о постройкѣ церкви — школы снова возбудили уже сами жители д. Иштулкина, которые, ассигновавъ отъ себя тысячу рублей, просили у Епархіальнаго Начальства пособія, каковое въ количествѣ 600 руб. и было отпущено изъ казенныхъ суммъ. Лѣтомъ 1903 г. въ Иштулкинѣ соорудили зданіе церкви — школы, длиною 10 саж., шир. 4 саж., на что употребили чуваша до 2000 руб. изъ своихъ средствъ. Общество вошло въ долги, средства изсякли, а не было еще рамъ, — предстояло сооруженіе иконостаса. Дѣло грозило встать, если бы не пришла помощь со стороны. При-

хожане Вознесенской церкви Слободы Кинель—Черкасской пожертвовали ветхій иконостасъ съ иконами, о. Іоаннъ Кронштадскій прислалъ сто руб., употребленные на установку и отдѣлку иконостаса, а мѣстный священникъ В. С. пожертвовалъ 65 руб. на рамы. Общими силами дѣло двинулось настолько, что въ великомъ постѣ 1904 г. стало возможнымъ открыть Богослуженіе въ церкви—школѣ. Дѣйствительно, на второй седмицѣ Св. Четырдесятницы здѣсь отправлялись всѣ церковныя службы, а въ субботу даже Божественная литургія, вся на чувашскомъ языкѣ. Хоръ изъ учениковъ и любителей, подъ руководствомъ псаломщика Діомидова, умѣло и съ чувствомъ исполнялъ всѣ положенныя пѣснопѣнія. Богомольцевъ собралось до пятисотъ человекъ. Были такіе старцы, которые въ первый разъ въ жизни слышали службу Божию. „Какое дѣйствіе производитъ на инородцевъ пастырская проповѣдь и Богослуженіе, совершаемая на родномъ ихъ языкѣ, особенно когда чудныя церковныя пѣснопѣнія и молитвы поются съ участіемъ хора пѣвчихъ школьниковъ, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ приговоръ, составленный за подписью 157 лицъ крестьянъ Ново-Якушевскаго прихода; д. Иштулгина, на имя Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Гурія, въ слѣдующихъ словахъ: „Ваше Преосвященство, Милостивый Архипастырь и Отецъ! На второй седмицѣ текущей Св. Четырдесятницы, въ нашей церкви—школѣ, сооруженной по благоволенію Вашего Преосвященства, отправлялось Богослуженіе, а въ субботу даже совершалась и Божественная Литургія. Мы, отъ мала до стара, назидались наставленіями, поученіями и службою Божіею на нашемъ родномъ языкѣ. Какъ послѣ холодной и бурной зимы лучи весенняго солнца согрѣваютъ и оживляютъ мертвую землю, такъ и Божественная служба минувшей недѣли внесла свѣтъ и теплоту въ наши души. Многіе изъ насъ впервые слышатъ Богослуженіе, въ полномъ его кругѣ, да при томъ по-чувашски: такъ ясно, понятно и трогательно! Великая радость и праздникъ для насъ, великое счастье наше!

Виновникомъ этого духовнаго торжества мы считаемъ Васъ, Ваше Преосвященство! Христіанская проповѣдь и Богослуженіе на чувашскомъ языкѣ, эти источники свѣта среди насъ, темныхъ чувашъ, все плоды апостольскихъ трудовъ Вашихъ. Мы свято хранимъ въ душахъ нашихъ неоднократно посѣщеніе Вашимъ Преосвященствомъ нашей бѣдной деревни, Вашу проповѣдь о пагубности язычества, о благодатныхъ дарахъ св. церкви, и, вспоминая все это, теперь, воочію, убѣждаясь въ правотѣ и святости словъ Вашихъ, вполне понимаемъ и цѣнимъ важность Вашихъ посѣщеній. Движимые искренней сыновней признательностію и любовію, мы, нижеподписавшіеся, осмѣливаемся повергнуть къ стопамъ Вашего Преосвященства свои чувства безпредѣльной благодарности за Вашу заботливость, труды и милость къ намъ — чувашамъ. Мы благодаримъ Бога, что онъ даровалъ намъ въ лицѣ Вашемъ заботливаго и милостиваго Архипастыря и молимся, чтобы Онъ, всемогущій сохранилъ Васъ, Ваше Преосвященство, многія, многія лѣта на славу церкви Христовой и на пользу намъ. Много еще въ насъ, чувашахъ, темноты языческой, много надо свѣта Христова, ученія и тепла. Вы, Милостивый Архипастырь и Отецъ, даруете намъ то и другое! (Отчетъ Самар. Миссіонерскаго Комитета за 1903 г., стр. 15 — 16).

На четвертой седмицѣ поста служба въ Иштулкинѣ повторилась. И на этотъ разъ собралось свыше 300 говѣльщиковъ, въ числѣ коихъ были чуваша даже изъ сосѣднихъ деревень Старо-Якушкина и Сухари-Матакъ. Съ тѣхъ поръ по великимъ праздникамъ и воскреснымъ днямъ совершается Богослуженіе въ церкви — школѣ по очереди приходскими священниками. Каждый разъ, даже въ рабочее лѣтнее время, богомольцевъ достаточное число. Теперь Иштулкинцы рѣшили выстроить причтовые дома, такъ какъ Епархіальное Начальство удовлетворило ихъ ходатайство, чтобы одинъ изъ двухъ причтовъ с. Ново-Якушкина жилъ при церкви — школѣ. Старо-Якушкинскіе чуваша тоже возбуждали ходатайство о сооруженіи у себя храма и образованіи самостоятельнаго прихода, но ихъ

ходатайство отклонило Е. Н. и причислило къ Иштулкину. Впрочемъ, они не теряютъ надежды имѣть у себя храмъ въ будущемъ и снова намѣрены поднять вопросъ о храмѣ.

Такимъ образомъ, десятилѣтіе примѣненія системы Н. И. Ильминскаго въ приходѣ села Ново-Якушкина ознаменовалось рѣшительнымъ поворотомъ чувашъ отъ язычества къ православію. Въ этомъ процессѣ великую службу оказали бѣдныя, невзрачныя, съ точки зрѣнія формальныхъ педагогическихъ требованій не стоящія вниманія, помѣщающіяся чуть не въ курныхъ избахъ школы грамоты. Онѣ, не уподобляясь „гробамъ повапленнымъ“, были кладезями, источающими воду живу. Здѣсь плохо научались говорить по-русски и счету, но озарялись свѣтомъ Св. Евангелія, здѣсь же молились во время служеній всенощныхъ бѣдній наканунѣ праздниковъ, говѣли старцы и дѣти въ великій постъ. Не только сотни чувашскихъ дѣтей получили такое православно-христіанское воспитаніе въ этихъ школахъ, но и сотни родителей ихъ, этихъ младенцевъ по вѣрѣ. Впрочемъ, съ улучшеніемъ персонала учителей, возвысилось въ послѣднее время и учебное дѣло, въ смыслѣ методическихъ требованій и успѣховъ. Въ 190³/₄ учеб. году въ церковныхъ школахъ прихода обучалось чувашскихъ дѣтей 154 мальчика и 16 дѣвочекъ, окончило курсъ 16 мальчиковъ и 2 дѣвочки. Чувашское населеніе прихода за этотъ же годъ выражается: православныхъ 1777 м. п. и 1747 ж. п., язычниковъ: 53 м. п. и 49 ж. п. Дѣтей школьнаго возраста 231 мальчикъ и 232 дѣвочки. Сопоставленіе чиселъ учащихся и дѣтей школьнаго возраста указываетъ, что почти двѣ трети дѣтей остается внѣ школьнаго вліянія. Это объясняется отсутствіемъ просторныхъ школьныхъ помѣщеній и неимѣніемъ средствъ для приобрѣтенія оныхъ. По устраненіи указанныхъ препятствій, можно ожидать значительнаго увеличенія учащихся.

Язычники—чуваша въ приходѣ послѣднее десятилѣтіе пользовались должнымъ вниманіемъ дѣятелей на нивѣ Христовой. Дѣти язычниковъ, привлекаемые въ школы, проходили

на ряду съ православными Законъ Божій, приучались къ пѣнію молитвъ и даже ходили въ храмъ къ Богослуженію, чему ихъ родители не препятствовали. Взрослые язычники иногда посѣщали спѣвки, слушали чтеніе религіозно-нравственныхъ книгъ на чувашскомъ языкѣ. Христіанскія истины привлекали вниманіе язычника тѣмъ болѣе, что дѣти его постоянно имѣли дѣло съ чувашскими книгами православно-христіанскаго характера. Затѣмъ, бесѣды священника — и язычникъ изъявлялъ желаніе принять св. крещеніе. Автору этого очерка пришлось крестить языческую семью, въ которой отецъ еще язычникомъ употреблялъ молитвы Господню и Святому Духу, заученныя со словъ 11 лѣтняго сына, ученика церковной школы. Другой новокрещенный чувашенинъ хорошо читаетъ чувашскія книги. Чтенію научился отъ 12 лѣтней дочери. Справка по метрическимъ книгамъ показываетъ, что число крестившихся язычниковъ за первыя три десятилѣтія существованія храма въ Ново-Якушкинѣ меньше числа принявшихъ крещеніе за послѣднее десятилѣтіе.

Съ 1864 г. по 1894 годъ язычниковъ крестилось 34 м. п., 30 ж. пола; съ 1894 по 1904 г. 34 м. п., 32 ж. пола. Нѣкоторые изъ новопросвѣщенныхъ св. крещеніемъ настолько проникаются ревностью по Христѣ, что сами дѣлаются поборниками православія. Вдова села Ново-Якушкина, Евдокія Карандаева, лѣтъ 45, умная и степенная чувашка, сама крестившаяся лѣтъ восемь тому назадъ, постоянно среди язычниковъ ведетъ бесѣды о спасительности и истинности христіанства. Силою своею убѣжденія и непосредственнаго религіознаго чувства она повліяла на стойкаго язычника Васянку Сахманова 52 лѣтъ, который и принялъ св. крещеніе въ 1902 году со всей семьей.

Кромѣ того, по мѣрѣ усвоенія православія, чувашки выходятъ изъ первобытной замкнутости и обособленности отъ русскихъ. Чувашскія женщины по-русски говорятъ плохо, большинство совсѣмъ не знаютъ русскаго языка. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ слышаннаго отъ Божественнаго, у нихъ про-

буждается желаніе лично видѣть и поклониться какой-либо святынь, или Угоднику Божію. Вотъ онѣ соглашаются съ русскими паломниками сосѣднихъ селеній и идутъ вмѣстѣ въ Верхотурье, къ встрѣчѣ иконы Тихвинской Божіей Матери въ Казань, или въ Саровъ. Слѣдствіемъ подобныхъ паломничествъ по святымъ мѣстамъ въ обществѣ русскихъ является совершенное проникновеніе русскими національнымъ духомъ и симпатіями, вплоть до перемѣны домашняго чувашскаго уклада на русскій. Если бы не чувашскій языкъ въ семьѣ, трудно отличить иной чувашскій домъ отъ русскаго.

Конечно, подобные случаи еще единичны и распространять ихъ на почти четырехтысячную массу чувашъ прихода не соотвѣтствовало бы и дѣйствительности, а требовать большаго, по меньшей мѣрѣ преждевременно. Надо помнить слѣдующія слова приснопамятнаго Н. И. Ильминскаго, этого великаго русскаго патріота и просвѣтителя инородцевъ. „Чѣмъ инородческое племя или общество, или отдѣльное лицо менѣе подготовлено къ христіанскому просвѣщенію, чѣмъ представляетъ оно болѣе трудную для сего почву, тѣмъ настойчивѣе и долѣе нужно примѣнять къ нему родной языкъ, а въ начальномъ образованіи родной языкъ во всякомъ случаѣ и для всѣхъ инородческихъ мѣстностей необходимъ. Родной языкъ сильно и глубоко проникаетъ въ душу, особенно живое и сильное дѣйствіе имѣетъ онъ на инородцевъ въ церковномъ Богослуженіи и въ церковной проповѣди. Родной языкъ въ Богослуженіи не только содѣйствуетъ пониманію богослужебныхъ книгъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ объемлетъ и восторгаетъ душу. Въ связи съ инородческими переводами богослужебныхъ книгъ и церковныхъ службъ стоитъ пѣніе на инородческихъ языкахъ. Стройное и благоговѣйное пѣніе еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе умиленныхъ православныхъ церковныхъ пѣснопѣній и своими православно-русскими напѣвами и движеніями оно сближаетъ инородческое чувство съ русскимъ“. (Система народ. и въ частн. инородч. образов. въ Казан. краѣ).

Провѣркой и доказательствомъ истинности приведенныхъ словъ Н. И. Ильминскаго могутъ служить факты этого очерка.
В. Скворцовъ.

Недостатки школьнаго дѣла.

Въ одной изъ предыдущихъ статей, помѣщенной въ Епархіальномъ органѣ, былъ напечатанъ отзывъ духовенства о положеніи учебнаго дѣла въ церковныхъ школахъ. Отзывъ этотъ, составленный на основаніи оффиціальныхъ данныхъ и сшитый, такъ сказать, изъ лоскутковъ, изъ отдѣльныхъ бѣглыхъ фразъ и протокольныхъ замѣчаній, само собою не могъ открыть всей глубины школьной жизни. Къ тому же онъ былъ составленъ изъ мнѣній лицъ, которыя не всегда имѣли тѣсное и непосредственное отношеніе къ церковной школѣ. А главное — онъ не могъ быть подробнымъ по самой уже формѣ своей — протокольныхъ замѣчаній...

Это все дало намъ поводъ обратиться къ другому, дополнительному способу изученія школы — къ сообщеніямъ лицъ, работающихъ на мѣстахъ и выслушать ихъ безпристрастный голосъ, — ихъ, пока немногихъ, съ надеждой, что, быть можетъ, и большее число учащихся откликнется на этотъ призывъ и подѣлится съ нами своими мыслями.

Изъ сообщеній, полученныхъ въ послѣднее время, обращаютъ на себя вниманіе отзывы школьныхъ дѣятелей о занятіи съ тремя отдѣленіями, о краткости учебнаго года, о частной жизни учителя, о канцелярскомъ элементѣ въ школѣ и о недостаткахъ христіанскаго воспитанія.

По первому вопросу одинъ изъ бывшихъ учителей пишетъ слѣдующее. „Три отдѣленія вести одному учителю — психологически невозможно. Занимаясь съ однимъ отдѣленіемъ непосредственно, учитель остальнымъ двумъ даетъ самостоятельную работу, но какъ бы разумно ни были даны самостоятельныя работы, онъ никогда не замѣняетъ непосредственныхъ занятій учителя съ учениками. Кромѣ того, дѣти по своей